

СКАЗКА: СТРУКТУРА И ОБРАЗЫ

УДК 398.2

DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-175-200

Язык и структура русской фольклорной небылицы

Светлана К. Мамонова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, smamonova10@yandex.ru*

Аннотация. Небылицы в русском фольклоре представляют собой совокупность прозаических и стихотворных текстов, построенных на алогизме и абсурде. Выявление большого массива разножанровых текстов, которые могут быть определены как небылицы на основе их содержательных и формальных сходств, привело к необходимости осмыслить их как некое структурно-семантическое единство. Такие попытки предпринимались исследователями неоднократно. Как правило, они рассматривали небылицы в рамках категории жанра. В настоящей статье показано, что единство небылиц как структурно-семантического класса текстов обеспечивается не столько за счет жанровой парадигмы, сколько за счет использования схожих языковых средств. Автор выделяет структурные и семантические механизмы, лежащие в основе небылиц, и показывает, как они функционируют в различных формально-стилистических разновидностях (песенных, прозаических, стихотворных) этих текстов. Структурные механизмы порождения небылиц основываются на нарушении отношений между различными компонентами высказывания. К таковым относятся метатеза (прием, основанный на перестановке слов внутри словосочетания), а также различные нарушения тема-рематических отношений внутри высказывания, что приводит к логической и семантической бессвязности. Для семантических средств, используемых в небылицах, характерно нарушение сочетаемости слов по их значению. В качестве этих средств в статье рассматриваются оксюморон, гипербола и литота.

Ключевые слова: небылицы, скоморошины, оксюморон, метатеза, абсурд, жанр, комическое, детский фольклор, потешки, присказки

© Мамонова С.К., 2026

Дата поступления статьи: 6 марта 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 12 мая 2025 г.

Дата публикации: 26 марта 2026 г.

Для цитирования: Мамонова С.К. Язык и структура русской фольклорной небылицы // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 9. № 1. С. 175–200. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-175-200

The language and structure of Russian folk nonsense tales

Svetlana K. Mamonova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, smamonova10@yandex.ru*

Abstract. Nonsense tales in Russian folklore are a collection of prosaic and non-prosaic texts based on alogism and absurdity. The identification of a large array of diverse texts that can be defined as nonsense tales based on their substantive and formal similarities has led to the need to understand them as a kind of structural and semantic unity. Such attempts have been made by researchers repeatedly. As a rule, they considered nonsense tales within the genre category. This article shows that the unity of tall tales as a structural and semantic class of texts is ensured not so much by the genre paradigm as by the use of similar linguistic means. The author identifies the structural and semantic mechanisms underlying nonsense tales and shows how they function in various formal and stylistic varieties (song, prose, poetry) of these texts. The structural mechanisms of nonsense tales are based on the disruption of relations between different components of an utterance. These include metathesis (a technique involving the rearrangement of words within a phrase) as well as various violations of thematic-rhematic relations within an utterance, leading to logical and semantic incoherence. The semantic devices employed in tall tales are characterized by the disruption of lexical compatibility based on meaning. The article examines oxymoron, hyperbole, and litotes as key devices in this regard.

Keywords: nonsense tales, skomorokh songs, oxymoron, metathesis, absurdity, genre, comic, children's folklore, nursery rhymes, folk sayings

Received: March 6, 2025

Approved after reviewing: May 12, 2025

Date of publication: March 26, 2026

For citation: Mamonova, S.K. (2025), "The language and structure of Russian folk nonsense tales", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 1, pp. 175–200, DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-175-200

1

Под «небылицей» в фольклористике понимается совокупность песенных и прозаических фольклорных текстов, «изображающих действительность с преднамеренным нарушением хронологической последовательности, причинно-следственных связей и т. п. и создающих полную несообразностей картину мира»¹.

Выделяя небылицы в качестве отдельного художественно-стилистического класса текстов, исследователи неоднократно предпринимали попытки определить свойства данного структурно-семантического единства, а также установить их место в жанровой и стилистической системе русского фольклора. Отчетливо выделяются два основных подхода к описанию небылиц. В рамках первого из них, представленного в работах Б.Н. Путилова и Л.М. Ивлевой, небылицы рассматриваются как «цельная и формально определенная разновидность скоморошин» [Ивлева 1972, с. 122], т. е. эпических текстов комического содержания. К основным признакам скоморошин-небылиц Ивлева относит цепевидную структуру, которая образуется путем «сцепления разнородных по содержанию компонентов» [Ивлева 1972], а также отсутствие целостного сюжета, что делает текст более подвижным и вариативным. Б.Н. Путилов отмечал, что в рамках эпической традиции небылицы являлись средством пародирования эпических текстов [Путилов 1994, с. 218]. Основным механизмом пародирования выступает «логико-семантическое переворачивание», когда «высокое», патетическое содержание былин переводится в область «низкого» быта и материально-телесного низа. В произведениях, обозначаемых как «небылицы» или «небывальщины», основу пародирования составляет установка канонического эпоса на достоверность. Если те события, о которых идет речь в былинах, должны быть восприняты как реально происходившие в далеком прошлом, то в пародии создается образ мира, полностью противоречащий реальности. Зачастую это осуществляется за счет создания абсурдных образов и ситуаций: например, субъекту, лишенному той или иной способности, приписывается действие, для которого эта способность необходима, в противном случае это действие не может быть осуществлено:

¹ Восточнославянский фольклор: словарь научной и народной терминологии / АН Беларуси. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. Восточнославянская секция Комиссии по славянскому фольклору при Международном комитете славистов. Мн.: Наука и техника, 1993. С. 167–168.

А слепыя бегут, спинаючи глядят;
 Безголовыя бегут, оне песни поют,
 Бездырья бегут-попёрдовают,
 Безносыя бегут-понюхивают,
 Безрукой втапоры клеть покрал,
 А нагому безрукай за пазуху наклал,
 Безъязыкова, тово на пытку ведут;
 А повешены – слушают,
 А и резаной – тот в лес убежал².

Восприятие событий в небылицах как достоверных полностью исключается; невероятность того, что в них описывается, констатируется на уровне формул, выступающих в качестве рефрена (см.: «Еще сын на матери снопы возил, / Всё снопы возил, да всё коноплины. / Небылица в лицах, небывальщинка, / Небывальщинка, да неслыхальщинка: / На горі корова белку лаяла – / Ноги расширят да глаза выпучит. / Небылица в лицах, небывальщинка, / Небывальщинка, да неслыхальщинка...»)³.

Помимо эпической традиции, небылицы выделялись как жанр детского и педагогического фольклора, что обусловило специфику второго подхода к описанию их структуры и семантики, в рамках которого небылицы рассматриваются как специфическая игра детского ума с закономерностями окружающего мира. Существенное влияние на восприятие детских небылиц как самостоятельного жанра детского фольклора оказала статья К.И. Чуковского «Лепые нелепицы»⁴. Чуковский писал о том, что тяготение к небылицам и перевертышам – одно из главных свойств детского мышления. Дети отчетливо осознают, что в небылицах представлены такие ситуации, которых никогда не может быть в действительности. Заставляя людей и животных совершать невозможные для них действия, ребенок в еще большей степени усваивает законы окружающего мира. В этом Чуковский видит основную педагогическую ценность небылиц. О.И. Капица, продолжая мысль Чуковского об особом значении небылиц как способа усвоения ребенком законов действительности, пишет, что «сущность небыличных песен

² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот., коммент. и сост. А.П. Евгеньевой, Б.Н. Путилова. М.: Наука, 1977. С. 142. (Литературные памятники)

³ Былины: Сб. / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Путилова. Л.: Советский писатель, 1986. С. 359–360. (Библиотека поэта. Большая серия)

⁴ Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 2: От двух до пяти; Литература и школа: ст.; Серебряный герб: повесть; Приложение / сост., коммент. Е. Чуковской. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 225–263.

сводится к тому, что неотъемлемые функции и свойства одного предмета приписываются другому»⁵. В качестве примера именно детских небылиц она приводит, с одной стороны, шуточную песню («Где это видано, / Где это слыхано, / Чтоб курочка бычка родила, / Поросянок яичко снес, / Безрукий-то клеть обокрал, / Нагому за пазуху наклал, / Безногий вприпрыжку побежал»⁶), а с другой – прибаутку, т. е. высказывание, имеющее клишированную форму, не связанное с речью и придающее ей юмористический оттенок («Эх сапоги у меня на вате / А поддевка на скрипах»⁷), а также текст, который можно определить как сказку или присказку: «Я встал поутру, обулся на босу ногу, топор надел, трое лыж за пояс подоткнул, дубинкою подпоясаясь, кушаком подпирался. Шел я не путем не дорогою; подле лыков горы драл; пошел я в чисто поле, увидал: под дубом корова бабу доит. Я говорю: “Тетенька, маминька, дай мне полтора молока пресного кувшина”. Она не дала. Я вышел на улицу: тут лайка собачит (вм. собака лает) на меня; мне чем обороняться? Я увидал на санях дорога, выхватил из оглобель сани, хлысть лайку и пошел домой»⁸.

Таким образом, небылицы интуитивно выделяются исследователями как некоторые классы песенных и прозаических текстов, основанные на различных структурно-генетических механизмах: первый механизм представляет собой пародирование идейно-стилистического канона эпоса, а второй – логическую игру ребенка с законами окружающего мира.

Несмотря на то что тексты, определяемые как небылицы, весьма разнородны в формально-стилистическом (это может быть прозаический, песенный или стихотворный текст) и функциональном (небылицы могут быть инструментом пародирования, как это происходит в эпосе; могут быть инструментом осмеяния или средством создания художественного образа) отношении, тем не менее можно заключить о наличии ряда сходств.

Прежде всего говорить о небылицах как о структурно-семантическом единстве позволяет совокупность используемых в них языковых средств, за счет которых создается характерный для этих текстов абсурд и алогизм. Задача настоящей статьи – выявить основные языковые механизмы создания небылиц и определить, как они реализуются в различных формально-стилистических разновидностях этих текстов.

⁵ *Капица О.И.* Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Л.: Прибой, 1928. С. 99.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 103.

2

Анализируя прием импоссибилии как механизм моделирования абсурда в художественных и фольклорных текстах, Л.Л. Федорова подразделяла используемые в них языковые средства на структурные и семантические [Федорова 2020, с. 221]. К структурным средствам относятся различные виды позиционных замен внутри фраз, а также нарушение тема-рематических отношений в рамках целого высказывания. Семантические механизмы небылиц основаны на том, что предмет или явление наделяется нехарактерными для него стереотипными свойствами. Подобная классификация может быть применена и к небылицам.

В качестве основного структурного механизма, создающего алогизм небылиц, Л.Л. Федорова выделяет «позиционные замены, создающие фразы-перевертыши» [Федорова 2020, с. 221]. Подобный прием можно назвать метатезой. П.Г. Богатырев в статье «Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре» определял метатезу как «стилистическую фигуру, где перемещаются части близлежащих слов, например суффиксы или целые слова в одной фразе или в рядом стоящих фразах» [Богатырев 1971, с. 460]. В качестве примера Богатырев приводит следующую остроту балаганного «деда»: «Черная собака за хвост палкой привязана; хвостом лает, головой качает...» [Богатырев 1971, с. 460]. В небылицах, как и в текстах, произносимых раёшниками, метатеза встречается довольно часто и является одним из основных инструментов создания абсурда. Так, замена может происходить в пределах одной фразы: «Ехала деревня мимо мужика» (вместо «Ехал мужик мимо деревни»), однако более частотной является метатеза, когда происходит перестановка компонентов в двух смежных фразах, как в следующих текстах:

Из-за леса, из-за гор
Появился дед Егор.
Он на пегой на телеге,
На скрипучей лошади,
Его шапка без испода,
Рукавицы без ушей,
Сапоги нарасташку,
На босу ногу зипун,
Он овсом телегу смазал,
Дегтем лошадь накормил⁹

⁹ Детский фольклор / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой. М.: Русская книга, 2002. № 174. (Б-ка русского фольклора; т. 13)

(вместо «Он на пегой лошади, на скрипучей телеге, его шапка без ушей, рукавицы без испода, сапоги на босу ногу, нарастапашку зипун»). Или:

Вы послушайте, ребята,
Нескладуху вам скажу.
Парень белый, вышитой,
Рубаха чернобровая¹⁰

(вместо «Парень чернобровый, рубаха белая, вышитая»). Или:

Бело-розовый мужик,
Красная рубашка,
На головушке – сапог,
На ноге – фуражка¹¹

(вместо «Красный мужик, бело-розовая рубашка, на головушке – фуражка, на ноге – сапог»).

Многие исследователи писали о том, что главная особенность небылиц – их нарочитая смысловая бессвязность, однако никто из них не пытался установить ее причину. Так, среди небылиц обнаруживается немало текстов, которые не содержат на первый взгляд никаких синтаксических и грамматических нарушений, но при этом интуитивно воспринимаются как бессвязные и лишённые смысла. Приведем несколько примеров:

(1) Баба борозду пахала,
Гусь сломал себе ногу.
Летит бык на эроплане,
Я щекоток не боюсь¹².

(2) Вологодская корова
Забодала паровоз.
А кому какое дело –
Я щекоток не боюсь¹³.

¹⁰ Архив кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова. 2007. Т. 1. № 106.

¹¹ Частушка / предисл. В.Ф. Бокова; вступ. ст., подгот. текста и примеч. В.С. Бахтина. М.; Л.: Советский писатель, 1966. № 1341.

¹² Там же. № 1323.

¹³ *Лойтер С.М.* Детский поэтический фольклор Карелии: исследование и тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. № 1171.

- (3) На угоры стоит баня,
Никто замуж не берет,
Шла машина из трамвая,
Потерял мужик дугу!¹⁴

Такие тексты представляют собой последовательное сцепление некоторых завершенных фраз, которые внешне кажутся связными, но при этом смысл текста невыводим из их общей последовательности. Ежи Бартминьский и Ричард Токарский обозначили это явление как «семантическая бессвязность», которая рождается тогда, когда «на основании сопоставления и сравнения рем следующих друг за другом предложений не удастся обнаружить этой главенствующей ремы» [Бартминьский, Токарский 2005, с. 298]. Таким образом, соединение семантически несоотносимых друг с другом эпизодов приводит к алогизму и бессмысленности, характерным для небылицы. Таким образом, к структурным средствам создания небылиц можно отнести не только позиционную перестановку слов, но и нарушение тема-рематического членения высказывания.

К семантическим механизмам создания небылиц относятся различные виды оксюморонов, поскольку оксюмoron основан на «соединении противоположных по значению слов в некое словосочетание» [Богатырев 1971, с. 453]. Мы можем выделить следующие разновидности небыличных оксюморонов:

- 1) логическое несоответствие цели и средства:

Чепуха, чепуха,
Это просто враки!
Сено косят на печи
Молотками раки!¹⁵

- 2) совмещение антонимов в пределах одного суждения:

Было дело в январе, пятого апреля. Сухо было на дворе, грязи по колено. По широкой мостовой, узенькой немножко, шел высокий гражданин маленького роста. Весь кудрявый, без волос, тоненький, как бочка. У него детишек нет, только сын и дочка. Пишет сыну гражданин: «Дорогая дочка, жив-здоров, лежу в больнице, сыт по горло, есть хочу, хоть корову проглочу»¹⁶.

¹⁴ Частушки в записях советского времени / изд. подгот. З.И. Власова, А.А. Горелов, М.; Л.: Наука, 1965. № 2554.

¹⁵ Потешки. Считалки. Небылицы / сост., предисл. и примеч. А.Н. Мартынова. М.: Современник, 1989. № 1080.

¹⁶ *Лойтнер С.М.* Указ. соч. № 1170.

3) приписывание невозможных способностей:

Это что было невиданное,
Да это что было неслыханное?
Да как безрукий яичко украл,
Да голому за пазуху клал.
Это что было невиданное,
Да это что было неслыханное?
Да безногий за десятским побежал,
Безъязыкий караул закричал¹⁷.

4) персонификация (приписывание свойств живого неживому):

А скали, а братьици, по чисту полю карапь бежит,
А карабль-от – паруса вверхху,
А да сказали, братьици, он да со матросами¹⁸.

В качестве еще одного семантического механизма, за счет которого создается алогизм в небылицах, можно рассматривать гиперболу и литоту, когда объекты наделяются не соответствующим для них размером, как в следующем тексте:

Великий шум учинился:
Комар с дубу свалился
Приступитьто не могу:
Комар упал на ногу;
Всю ноженьку отдалвил,
Все суставы повредил.
Подавайте топора,
Топора ли косаря,
Рубить, казнить комара!¹⁹

Семантические средства небылиц основываются в первую очередь на стереотипных признаках объекта, присущих ему

¹⁷ Детский фольклор. 2002. № 180.

¹⁸ Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. / Рос. акад. наук.; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. А.А. Горелова. СПб.: Тропа Троянова, 2002–2003. Т. 2. С. 400. (Полное собрание русских былин)

¹⁹ Можаровский А.Ф. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии: потехи, забавы, остроты, прозвища, стишки и песни. Казань: Тип. Г.М. Вечеслава, 1882. № 1.

в языковой картине мира определенной культуры. Под стереотипом, вслед за Ежи Бартминым, мы понимаем «набор признаков (суждений), не охваченных семантической категоризацией, но ответственных за правильное использование знака (адекватное соотнесение его с референтом) и вытекающих из знаний о мире или представлений об этом мире» [Бартминовский, Токарский 2005, с. 306], т. е. стереотип включает не только лексическое значение слова, но и различные коннотативные значения, которые оно приобретает в культуре. Так, каждая знаменательная лексема, входящая в состав небылицы, обладает определенным стереотипным значением. Например, рак стереотипно воспринимается как животное, которое живет в воде и имеет панцирь и клешни. Исходя из этого, раку не может быть приписана способность, обозначаемая глаголом 'косить', поскольку: а) такое действие может совершаться только человеком или антропоморфным существом; б) чтобы совершать это действие, необходимо иметь руки; в) косить можно только на суше. В свою очередь, комар (см. текст там же) – это небольшое по размерам насекомое, издающее неприятный писк и способное укусить человека, поэтому приписывание комару способности отдалить человеку ногу в рамках языковой стереотипии осмысливается как нечто невозможное. Таким образом, семантическая игра в небылицах основана на разрушении стереотипов, основанных на представлениях о связи между предметами и их свойствами в реальном мире. Подобное построение высказываний является следствием общей интенции текста создать мир, противоположный миру нормальному. Это оказывается возможно только тогда, когда у носителей культуры есть представление о некоторой семантической норме, которая, в свою очередь, содержится в общеязыковой картине мира. На ее основе в небылицах формируется специфическая картина мира, построенная на нарушении границ языковых стереотипов и семантических возможностей слов.

3

Рассмотренные языковые средства реализуются в различных формально-стилистических разновидностях небылиц. Под формально-стилистической разновидностью мы подразумеваем прежде всего прозаический или стихотворный способ организации фольклорного текста. Прозаические небылицы представляют собой последовательность несоизмеримых друг с другом по длине отрезков. Стихотворные небылицы, наоборот, строятся из приблизительно равных фраз, которые объединяются общим ритмом.

Прозаическая или стихотворная форма небылицы обуславливает, с одной стороны, жанровую природу текста, а с другой – особенности его структуры.

Прозаические небылицы, как правило, относятся к жанру сказки или имеют характер присказки, которая предшествует сказке или подменяет ее собой. В «Сравнительном указателе сюжетов»²⁰ к небылицам относятся сюжеты № 1875–1960М (СУС, с. 370–380). Эта группа выделяется на том основании, что в них либо описываются различные невероятные события, предметы, явления (сюжеты СУС № 1875–1920, № 1930–1960М), либо сюжет представляет собой состязание во лжи, где небылица – рассказ одного из героев (сюжеты СУС № 1920А–1921*, 1932). Уже на уровне метаописания в указателе возникает важное структурное противопоставление: одни сюжеты-небылицы являются самостоятельным нарративом, а другие обрамляются другим повествованием, которое само по себе небылицей назвать нельзя.

Небылицы с сюжетами СУС 1930В*, 1880 представляют собой присказки, прибаутки и постсказки, где от первого лица рассказывается о различных невероятных событиях, бывших с рассказчиком. Например:

Бывал да живал, на босу ногу топор надевал, трои лыжи за поес затыкал; пошел возле лыко гору драть, увидел озеро на утке сидит; высек я три палки, первую бросил – недобросил, вторую бросил – перебросил, третью бросил – попал; утка стрепенулась, а озеро полетело, да на сухой лес село, ну и сказки конец²¹.

Такие не обрамленные повествованием небылицы могут выступать в качестве заключительной формулы, где описывается возвращение сказочника со свадебного пира:

У нашево Петра Михайловица заводился бал. До полусыта наелись, до полупьяна напивались. Пили и пировали и на верхних спокойях. И я тут пировал, и я сделался пьян. И пошел с верхних спокойёв, и упал я по лиснице. И во дворе ходят конюхи, и спрашивают меня: што тебе надо? – А мне бы надо лошатку. – Какую тебе дать лошатку? Дать тебе лошатку костяную, – ты, говорят, загониш ее; давай я тебе

²⁰ Мы ориентируемся на СУС, поскольку наше исследование посвящено именно русской небылице.

²¹ Ончуков Н.Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая губернии. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. № 20. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; т. 33)

дам лошатку леденую. И я на лошатке еду – под гору больно хорошо еду, а на гору сам волоку. И к деревне под гору подъезжаю. Заделался пожар. И доезжаю до саво до пожару. И была у меня шапка с пухом, рукавицы мои были берестяные и узда конопляная (на лошади), плетка была гороховая. Приехал я – лошатку привязал: лошатка с жару растаяла, шапка с пухом пыхнула, рукавицы берестяные – головешки таскал – скорчило их, узду конопляную воробы обили, а плетку гороховую голуби оклевали²².

На примере небылиц с сюжетом 1930В* рассмотрим, из каких элементов состоят подобного рода тексты:

1) комическое одевание: «Я вставал поутру вечером, на босу ногу топор одевал, топорищем подпоясывался»²³; «Живал, бывал, на босу ногу топор надевал, топорищем подпоясывался, лыко за пояс затыкал. Это не сказка, а присказка»²⁴;

2) отправление в путь. Оно может быть как мотивировано комически (например, как в приведенной небылице из сборника Ончукова: «...Пошел возле лыко гору драть»²⁵), так и не мотивированно вовсе, герой просто отправляется в путь: «Идёт добрый молодец из-за печи на свинье в седле»²⁶;

3) герой сталкивается с препятствием: «Квашня старуху месит. Я ей сказал: спорынья в старуху! Она как схватит из-за лопаты печь, меня печью хлесть; я побежал через портки, приступок и изорвал»²⁷; «Захожу в избу – квашня бабу месит. “Тетушка квашонка, дай тестичка!” Она выхватит как из удок квашню – хлесть

²² *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Вятской губернии: с приложением шести вотяцких сказок. Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1915. С. 302–303. (Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии; т. 42)

²³ *Иванова А.А.* Скоморошья традиция в современном фольклорном репертуаре (по полевым материалам 1970–1996 гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. А.Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. Т. 30. С. 466–499. № 33. (Русский фольклор)

²⁴ Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии / под ред. А.В. Адрианова. Т. 1. Вып. 1. Красноярск: Енисейская губернская тип., 1902. С. 137.

²⁵ *Ончуков Н.Е.* Северные сказки... № 20.

²⁶ Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии / подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.В. Новикова. Вологда: Кн. изд.-во, 1960. № 623.

²⁷ Там же.

мне по лобам! Я бежать, бежать, бежать. Да еще бежал и теперь бегая»²⁸;

4) герой возвращается: «Я и усмехнул, а квашни не пондравилось, она хватит печ из лопаты, хотела ударить; я через штаны скочил, да и порог вырвал, да и убежал»²⁹; «Вышел на улку; тут лайка собачит на меня; мне-ка чем оборониться? Я увидел: на санях дорога, выхватил из оглобел сани, хлысь лайке по зубам и пошел домой да с горя спать повалился»³⁰.

Как мы видим, рассматриваемые нами прозаические, не обрамленные внешним повествованием небылицы во многом опираются на структуру сказки. Они включают в себя такие элементы, как отправление в путь, встреча с препятствием и возвращение домой. Однако все составляющие волшебной сказки в небылице наделяются нарочито абсурдным содержанием. Как известно, сюжетную основу сказки составляет борьба героя с антагонистом и победа над ним. В небылице никакого столкновения противоборствующих сил не происходит; оно подменяется неким комическим происшествием, участником которого оказывается герой. Если же он вынужден вступить с кем-то в поединок (чаще всего комический), то, как правило, терпит поражение и спасается бегством. В приведенном выше тексте из сборника Ончукова герой сражается с квашней, которая пытается его ударить, однако ему удается от нее убежать. Не обрамленные повествованием прозаические небылицы, таким образом, представляют собой «сказку наоборот»: вместо поединка с антагонистом, героической победы и воцарения, герой борется с едой, терпит поражение и возвращается к исходной точке.

Выступая в качестве присказки, небылицы подобного рода пародируют сказочное повествование путем «выворачивания наизнанку» его основных конструктивных элементов. На уровне языковых средств подобное «переворачивание» осуществляется преимущественно за счет метатез («на босу ногу топор надевал, трой лыжи за поес затыкал»; «пошел возле лыко гору драть»; «озеро на утке сидит», «квашня старуху месит»), которые, в свою очередь, приводят к нарушению логико-семантических отношений между предметами и явлениями и их общеязыковыми денотатами.

²⁸ Иванова А.А. Указ. соч. С. 466–499. № 32.

²⁹ Ончуков Н.Е. Северные сказки... № 21.

³⁰ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов. М.: Наука, 1984–1985. Т. 3. № 426.

4

Более однородными в формальном и сюжетном отношении являются небылицы, обрамленные повествованием. Показательными в этом отношении выступают сюжеты СУС 852 («“Это – ложь”: герой заставляет царевну сказать: “Это – ложь”, рассказав ей небылицу, и таким образом получает ее руку») (СУС, с. 218), 1920С («Барин (царь) награждает за ложь (неслыханный рассказ): мужик рассказывает барину (царю) небылицу с условием, что получит награду (тарелку червонцев), если барин прервет его, скажет «Неправда!» («Слыхал!»); услышав от мужика, что задолжал много денег (что тот видел на том свете его отца, возящего навоз), барин (царь) нарушает условие; мужик выигрывает заклад») (СУС, с. 36), 1920Н* («Огонь в обмен на небылицы»: три брата идут к старику у костра за огнем; два брата не могут рассказать старику небылицу, старик вырезает у них из спины ремни; младший брат заставляет старика сказать: “Неправда!” (“Твой дед моего верхом на себе возит” и т. п.))» (СУС, с. 377).

В этих сюжетах небылицы встраиваются в повествовательный контекст и оказываются средством, с помощью которого герой добывает определенное благо (невесту, деньги или огонь). В связи с этим меняется повествовательная инстанция: небылицы рассказывает не сам сказочник, а герой. Ситуации рассказывания небылицы обычно предшествует некоторая сюжетная завязка, которая заключается в том, что герою обещают вознаграждение, если он заставит царя (барина) не поверить в свой рассказ.

Подобные завязки выступают в качестве элемента, обрамляющего ситуацию рассказывания небылиц. Сама эта ситуация включает три эпизода: в первых двух эпизодах царь / барин / мужик соглашается со всем, что говорит ему герой. Обращает на себя внимание, что в сказках-небылицах СУС 852, 1920С, 1920Н* обнаруживаются те же сюжеты, что и в необрамленных небылицах. Так, в сказке № 418 из сборника Афанасьева герой ездит на одной половине лошади три года (см. СУС 1889Р), забирается на дерево по небу и спускается оттуда на веревке, свитой из мякины (см. СУС 1889К). В целом мотивно-сюжетный состав небылиц, рассказываемых героем, довольно устойчив и варьируется незначительно.

Несмотря на содержательное сходство, тексты небылиц, обрамленных повествованием, и тех небылиц, где это обрамление отсутствует, функционируют совершенно по-разному. Как мы показали выше, необрамленные небылицы являются некой пародией на сказку; их задача – развлечь слушателя, удержать его внимание путем хитрой логической игры. В составе сюжетного обрамления они сохраняют эту функцию (они развлекают как

царя / барина, которому герой их рассказывает, так и слушателей), но при этом оказываются средством испытания находчивости героя. Царь / барин может поверить в то, что герой ездил на полковине лошади и влезал на небо по дереву, однако все меняется, когда «невозможные» события отождествляются с его ближайшими родственниками (дедом / отцом). Третий эпизод рассказывания небылицы представляет собой своеобразный словесный «трюк», когда внимание слушателя «переключается» на внешнее обрамление. Самой невероятной небылицей, в которую не может поверить антагонист, оказывается рассказ о том, что отец / дед героя или сам герой использовал отца / деда антагониста для какой-то уничижительной работы. Например:

- Это верно, гыт. Ну, что ты видел, барин спрашивает, там на небе?
- В первую очередь говорит, у тебя батюшка живого нет? Спрашивает. Тот отвечает:
- Нет, помёрши.
- И у меня, гыт, померши батюшка.
- Так барин гыт:
- Так ты, что его видел там?
- Да, гыт. Мой та, говорит, батюшка на твоём с ... ездил.
- Фу, ты, гыт. Это неправда, чтоб мужик на барине ездил.
- Давай 100 рублей.
- И отдал³¹.

Важно отметить, что в сказках с сюжетами СУС 852, 1920С, 1920Н* небылицы включаются в контекст социального противостояния. Противник героя (царь / барин) по статусу всегда выше, чем герой, либо же обладает тем благом, которое ему необходимо (если говорить о сказках, относящихся к типу «Огонь в обмен на небылицу»), что и мотивирует его отношение к рассказчикам и их небылицам (он верит всему, что не касается его самого, не награждает рассказчиков, демонстрируя тем самым собственную власть и превосходство). Герой достигает своей цели тогда, когда его небылица «строится с учетом точки зрения антагониста, его интересов, целей и способов действовать» [Новик 1993, с. 147]. Словесный «трюк» в таких сказках основан на том, что герой «преуменьшает в глазах антагониста его собственные достоинства, силу, богатство» [Новик 1993, с. 148], тем самым заставляя его сказать, что его рассказ – ложь. Небылица здесь выступает как средство

³¹ Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова / изд. подгот. В.Я. Пропп. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1961. С. 61.

провокации, унижения и осмеяния и содержит в себе социальный протест, что в свое время отмечал А.И. Никифоров [Никифоров 2008, с. 97]. Если в не обрамленных повествованием небылицах алогизм создается преимущественно за счет структурных средств, то небылицы, имеющие повествовательное обрамление, строятся за счет средств семантического порядка, т. е. за счет оксюморонов и нарушения общеязыковой стереотипии.

Таким образом, наличие или отсутствие внешнего сюжетного обрамления значительно влияет на семантику и функции текста небылицы. Не обрамленные повествованием небылицы являются пародией на сказку. Небылицы, которые включаются в состав какого-либо повествования, в большей степени имеют характер словесного «трюка», с помощью которого герой обманывает антагониста, демонстрирует собственную находчивость и получает награду. В отношении языковых средств обрамленные и необрамленные небылицы также оказываются противопоставлены: необрамленные небылицы в большей степени строятся за счет метатез, в то время как для не обрамленных повествованием небылиц характерно использование оксюморонов. Однако использование этих языковых средств имеет одну общую цель: за счет них нарушаются логические отношения между описываемыми в тексте предметами и явлениями и их денотатами, что приводит к возникновению алогизма.

5

К стихотворным небылицам мы относим все тексты, которые членятся на соизмеримые по длине отрезки. В зависимости от характера исполнения стихотворные небылицы можно условно поделить на те тексты, которые сопровождаются напевом (их мы обозначим как песенные небылицы), и тексты, при исполнении которых напев отсутствует. К песенным эпическим небылицам можно отнести такие тексты, как «Старина о льдине», «Старина о старике со старухой», «Небывальщина», «Старина о Щуке из Белого озера». Несмотря на то что каждая из этих скоморошин фиксировалась как самостоятельное произведение, содержательно и формально такие тексты практически идентичны и различаются лишь набором микросюжетов и их последовательностью.

Главная формальная особенность эпических небылиц-скоморошин состоит в том, что они могут распадаться на ряд самостоятельных элементов и затем, уже в новой последовательности, собираться заново, тем самым порождая большое количество различных версий. К наиболее частотным мотивам небылиц-ско-

морозин можно отнести горящий на реке овин («Да еще все это, братцы, не чудо – да я чудней скажу: / Да на синём-то море да овин горит!..»³²); плывущий по суше корабль («А и по чистому полю карабли бегут, / А и серой волк на корме стоит, / А красна лисица потакивает...»³³); летящего по небу медведя («Да это же цюдышко не цюдное – / Да и видял-то цюдышко цюдне того: / Да под поднебесью да как недведь летит, / Он и ножками да принамахиват / Да коротким хвостом да принаправливат!..»³⁴; лающую корову («И ишше это, браццы, цюдышко-то не как дивноё – / А я видел вечер цудышко чудней того: / И ведь под елью корова-та белку лаяла, / Она ноги-ти рошпирила, глаза выпуча!..»³⁵; сына, использующего мать и сестру (жену) в качестве транспортного средства («А уж как это-то чудышко было не чудное – / Да уж я видел тут чудышко чудне того: / Да уж как сын-от на матери дрова везёт, / А молодую жону свою в поводу ведет»³⁶).

Как подчеркивала Л.М. Ивлева, в небылицах «вещи <...> открепляются от своих постоянных признаков. Выражается это в том, что субъекты различных суждений, верных с точки зрения формальной логики и здравого смысла, как бы меняются местами, в то время как места предикатов остаются без изменений. Таким образом получается суждение, правильное синтаксически, но не выдерживающее проверки жизненным опытом и здравым смыслом» [Ивлева 1972, с. 123]. Фактически здесь речь идет о приеме нарушения синтаксической связности, который мы выделяем в качестве структурного механизма порождения небылиц. Однако, как было сказано выше, абсурд в небылицах-скоморошинах возникает не только как инструмент создания комического эффекта, но и как средство пародирования модальности эпического текста, а также былинной топики.

К песенным небылицам также относятся плясовые песни, состоящие из набора абсурдных ситуаций. В начале некоторых песен-небылиц есть, как правило, обрамляющий элемент, который связывает следующие друг за другом микросюжеты.

³² Свод русского фольклора: Былины: В 25 т. / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. А.А. Горелов; подгот. текстов и коммент. А.А. Горелова, Т.Г. Ивановой, А.Н. Мартыновой, Ю.И. Марченко, Ю.А. Новикова, Л.И. Петровой, А.Н. Розова; коммент. Ю.А. Новикова. СПб., М.: Наука, Классика, 2004. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. С. 603.

³³ Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. С. 142.

³⁴ Свод русского фольклора: Былины. Т. 4. С. 601.

³⁵ Там же. С. 599.

³⁶ Там же. С. 601.

В качестве наглядного примера плясовой небылицы приведем несколько вариантов песни о бабушке / тетушке Еленке:

- (1) Уж ты, бабушка Еленка,
Ты такая рукоделенка:
Топором-то сено кашивала,
Решетом водичку нашивала.
Уж такая была вежливая,
На свинье к обедне еживала,
Приезжала к золотым воротам,
Увидала мужиков с бородам³⁷.
- (2) Бабушка Еленка,
Была рукоделинка:
Топором воду нашивала,
Рукавицей сено кашивала...
<...>
Рукавицей сено кашивала,
У парней силом прашивала³⁸.

Здесь в роли «стержня», вокруг которого группируются различные абсурдные мотивы, выступает персонаж, а вся песня представляет собой его комическую характеристику.

Помимо персонажа, в таких песнях элементом, скрепляющим цепь нелепых ситуаций, может выступать запев, где констатируется, что события, о которых идет речь, представляют собой нечто немыслимое и невозможное:

Еще где же это видано?
Еще где же это слышано,
Чтобы курочка барана родила,
Поросеночек яичко снес,
На печи мужик ребенка принес.
Он принес дак и возится,
Согрешил, дак Богу молится³⁹.

По характеру исполнения к песенным плясовым небылицам примыкают детские песни-потешки. В них отчасти переносятся различные мотивы и образы скоморошин, преимущественно связанные с нарушением бытовых или природных закономерностей. Детские потешки-небылицы не обладают ярко выраженными формальными маркерами, позволяющими рассматривать их как специфическую категорию небылиц. Так, тексты, близкие по

³⁷ Иванова А.А. Указ. соч. С. 466–499. № 12.

³⁸ Архив кафедры фольклора МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1, № 108.

³⁹ Там же. № 107.

содержанию и манере исполнения, в зависимости от того, какой аудитории они адресованы, могут рассматриваться или как плясовая песня, или как детская потешка. Например, в сборнике детского фольклора под редакцией Г.М. Науменко как потешка публикуется следующий текст:

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слышано,
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросёночек яичко снёс.
Чтоб поднёбесью медведь летал,
Чёрным хвостиком помахивал⁴⁰.

Приведенные выше тексты построены на основе приема амплификации, представляющего собой повторение схожих по строению синтаксических конструкций с целью усиления абсурдности содержания и создания комического эффекта. Амплификация в данном случае выражается путем нанизывания различных абсурдных микросюжетов, которые группируются либо в свободном порядке, как это происходит в скоморошинах, либо же объединяются вокруг общего тематического стержня, как в плясовых песнях.

Среди песенных небылиц можно выделить еще одну группу текстов, обладающих рядом особенностей формального устройства. Это так называемые частушки-нескладухи. Исследователи (А.А. Горелов, З.И. Власова, В.С. Бахтин, В.Ф. Боков) рассматривали нескладухи как особую жанровую разновидность частушек, основным признаком которой – «внешняя алогичность содержания»⁴¹. В таких текстах абсурд усиливается за счет формальных средств: в нескладухах зачастую отсутствует рифма, что делает их финал еще более обескураживающим и неожиданным (см.: «Баба борозду пахала, / Гусь сломал себе ногу. / Летит бык на эроплане, / Я щеко-ток не боюсь»⁴²; «Вы послушайте, девчата, / Нескладину спою вам: / Сидит заяц на заборе, / Опоясавши дровням»⁴³; «Я на кареньких на санках, / На дубовой лошади, / На босу ногу тулупчик, / Нараспашку сапоги»⁴⁴).

⁴⁰ Жаворонушки. Вып. 4 / предисл., запись, нотация и сост. Г. Науменко. М.: Советский композитор, 1986. № 88.

⁴¹ Частушка / предисл. В.Ф. Бокова. С. 577.

⁴² Там же. № 1320.

⁴³ Там же. № 1330.

⁴⁴ Русская частушка: Фольклорный сб. / авт. вступ. ст. и сост. А.В. Кулагина. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1993. № 879.

З.И. Власова и А.А. Горелов предлагали разделять частушки по способу изложения на два типа – «объективно-лирический» и «субъективно-лирический»⁴⁵. К объективно-лирическим исследователи относили такие тексты, в которых «констатирующая форма слабее выявляет личное отношение к факту, событию. Здесь сообщение, повествование, зарисовка (портрет, диалог, эпизод, сценка, новелла, житейский афоризм) почти исчерпывают содержание, преобладают»⁴⁶, а к субъективно-лирическим – те тексты, где присутствует ярко выраженное личное начало. Подобная классификация представляется довольно удачной, поскольку факт присутствия или отсутствия субъекта высказывания в тексте значительно влияет на его структуру. Мы предлагаем разделять частушки-небылицы на две большие группы: условно «объективные», представляющие собой описание некоторой отвлеченной ситуации, и условно «субъективные», где непосредственно присутствует «я» говорящего, и он будто бы говорит о себе. Приведем несколько примеров в таблице.

Таблица

Пример деления частушек-небылиц на группы

<i>Объективные</i>	<i>Субъективные</i>
Сидит заяц на заборе – Не женатый, холостой, Опоясавший осокой, К осени жеребится ⁴⁷ .	Я на кареньких на санках, На дубовой лошади, На босу ногу тулупчик, Нараспашку сапоги ⁴⁸ .
На болоте, на снегу, Укусил комар блоху. Сидит заяц на берёзе, Умирает со смеху ⁴⁹ .	У меня милашка Машка Рукодельная была: В решето коров доила, Топором овец стригла ⁵⁰ .
На дворе стоит телега И подсолнухи грызет, А корова губы дует: Никто замуж не берет! ⁵¹	Сероглазая моя Долго обряжалася. Чуть в квашне не потонула За края сдержалася ⁵² .

⁴⁵ Частушки в записях советского времени. С. 21.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Частушка / предисл. В.Ф. Бокова. № 1321.

⁴⁸ Русская частушка... № 879.

⁴⁹ Частушки / сост. С. Викулов. Вологда: Областное изд-во, 1952. С. 98.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Русская частушка... № 887.

⁵² Частушки / сост. С. Викулов. С. 102.

Частушки, имеющие форму «объективного» повествования или описания, могут сопровождаться определенным зачином, в котором констатируется намерение «спеть нескладушку»:

*Вы послушайте, ребята,
Нескладуху вам спою:
Сидит заяц на березе,
Неженатый, холостой*⁵³.

Или:

*Вы послушайте, подружки,
Нескладинушку спою:
Огород в поле попал,
Суслон корову растрепал*⁵⁴.

Или:

*Вы послушайте, ребята,
Нескладуху вам спою.
С огорода повалился,
На шестой этаж упал*⁵⁵.

Здесь представлен аналогичный прием амплификации, что и в других песенных небылицах, однако следует подчеркнуть важное отличие: если в скоморошинах и плясовых песнях-небылицах абсурдные микросюжеты выражаются примерно однотипными синтаксическими конструкциями, которые при этом объединяются либо в рамках перечисления (небылицы-скоморошины, как правило, представляют собой именно перечисление неких «чудес», о которых собирается поведать сказитель), либо же с помощью определенного образа и персонажа, то частушки-нескладухи основаны на нарушении тема-рематического членения предложения, которое, в свою очередь, подкрепляется формально-стилевым сбоем (отсутствием привычной для частушек рифмы).

Последнюю формальную разновидность небылиц составляют тексты, которые не поются, а декламируются. Их можно считать специфическим новообразованием, возникшим под влиянием литературной традиции, что во многом обусловлено школьной средой бытования. О литературном происхождении подобных

⁵³ Русская частушка... № 877.

⁵⁴ Частушка / предисл. В.Ф. Бокова. № 1328.

⁵⁵ Частушки в записях советского времени. № 6308.

текстов свидетельствует в первую очередь характер рифмы. Здесь мы имеем в виду такие тексты, как:

Рано утром, вечером,
Поздно на рассвете
Баба ехала верхом
В нанковой карете.
А за нею во всю прыть
Тихими шагами
Волк старался переплыть
Миску с пирогами.
Кто-то на небо взглянул –
Там землетрясенье,
Отчего-то кот чихнул, –
Завтра воскресенье⁵⁶.

Или:

Жив, здоров,
Лежу в больнице,
Сыт по горло –
Есть хочу,
Хоть корову проглочу⁵⁷.

Или:

Рыси по небу летают
И ракеты догоняют.
Зайцы прыгают в пруду
И кричат нам всем: «Тону!»
Дети под водой гуляют
И конфетки покупают.
Дом стоял, стоял, стоял
И купаться побежал⁵⁸.

Такие небылицы бытовали преимущественно в детско-подростковой среде, о чем свидетельствуют мемуарные записи. Так, писательница Надежда Лухманова, учившаяся в Институте благородных девиц, приводит следующий текст:

⁵⁶ Русский детский фольклор: учеб. пособие / под ред. М.Н. Мельникова. М.: Просвещение, 1987. № 287.

⁵⁷ Там же. № 289.

⁵⁸ *Лойтер С.М.* Указ. соч. № 1183.

Черт намылил себе нос,
Напомадил руки
И из ледника принес
Ситцевые брюки...⁵⁹

А.Ф. Белоусов полагал, что небылицы возникают в среде школьников и гимназистов как форма протеста против «общих законов действительности, предопределивших <...> тягостную атмосферу школьного учения»⁶⁰. Прагматически подобные небылицы как средство логической игры с упорядоченным миром школьных учебников близки другому жанру школьного фольклора, а именно пародиям-переделкам («У лукоморья дуб срубили»; «Вместе весело шагать по газонам»), в которых с помощью комического снижения и абсурдизации высмеиваются и пародируются навязанные школьной программой тексты. Как и многие явления школьного фольклора, «стихотворные» небылицы являются результатом сложного синтеза традиционных фольклорных жанров и литературы. Как мы полагаем, часть школьных «стихотворных» небылиц составляют частушки-нескладухи, которые, однако, не поются, а произносятся, как стихи. Другая же часть – это тексты литературного происхождения, источники которых пока не установлены.

6

Подводя итог, суммируем полученные нами результаты.

1. Проанализировав различные формально-стилистические разновидности небылиц, можно заключить, что нельзя говорить о небылицах как о самостоятельном фольклорном жанре. Они интуитивно выделялись исследователями как отдельный класс текстов в первую очередь на основе содержания и ярко выраженной комической составляющей. Небылицами можно считать тексты, построенные на определенных языковых механизмах, главная задача которых – создание алогизма и абсурда. В текстах такого рода эти механизмы представлены в наиболее концентрированном виде и являются их структурообразующим и смыслообразующим ядром.

2. Небылицы способны встраиваться в различные жанровые парадигмы. Здесь справедливо говорить о двух механизмах:

⁵⁹ Белоусов А.Ф. «Когда стремился гимназист преобразовывать Россию...» // Знание – сила. 1993. № 2. С. 78.

⁶⁰ Там же. С. 79.

во-первых, небылицы могут возникать как пародийные «двойники» определенных жанров, что особенно ярко видно на примере эпических небылиц, которые обычно рассматривают как пародию на топику былин. Во-вторых, в текстах различных фольклорных жанров (сказках, плясовых песнях, прибаутках, частушках, текстах народной драмы⁶¹) могут использоваться логические и языковые механизмы, характерные для небылиц. Встраиваясь в текст того или иного жанра, механизмы, свойственные небылицам, выполняют в них различные функции: так, в сказках о состязании во лжи на своеобразном «переключении» между реальностью и абсурдом построен сюжетообразующий трюк; в жанрах детского фольклора, таких как, например, потешка, небылица выполняет функцию логической игры; в частушках, в представлениях раёшников языковые средства небылиц служат для создания комического эффекта.

3. Представленные в небылицах языковые средства можно подразделить на средства структурного и семантического порядка. К структурным средствам относятся метатеза, а также нарушение смысловой связности, создаваемое путем нарушения тема-рематической структуры высказывания. Семантическими средствами создания небылиц можно считать оксюморон, гиперболу, литоту, а также нарушение общеязыковой стереотипии в рамках высказывания.

4. Выделенные средства языка по-разному реализуются в прозаических и стихотворных формах небылиц. В прозаических небылицах и структурные, и семантические средства организуют уровень сюжетики и образности текста. В стихотворных небылицах, где сюжет зачастую отсутствует, различные языковые средства оказываются, с одной стороны, средством создания различных абсурдных образов (летающие медведи, лающие коровы, горящее море); с другой стороны, нарушение тема-рематического членения высказывания как один из основных механизмов создания абсурда в небылицах является способом организации композиции текста, что видно на примере частушек-нескладух, а также школьных стихотворных небылиц.

5. Исходя из общности семантической структуры и функций текстов разных формально-стилевых подвидов небылиц, можно сделать предположение о вторичности конкретных ситуаций бытования, прагматических нюансов для порождения текстов небылиц и поддержания их идентичности в традиции.

6. Вместе с тем вопросы о скоморошинах-небылицах в русской эпической традиции, о возможных литературных источниках

⁶¹ См.: Мнимый барин // Ончуков Н.Е. Северные народные драмы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. С. 124–133.

школьных стихотворных небылиц, а также о коммуникативно-прагматических свойствах плясовых песен-небылиц являются важной исследовательской перспективой.

Сокращения

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг и др. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Литература

- Бартминьский, Токарский 2005 – *Бартминьский Е., Токарский Р.* Языковая картина мира и связность текста // Бартминьский Е. Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 296–319.
- Богатырев 1971 – *Богатырев П.Г.* Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 450–496.
- Ивлева 1972 – *Ивлева Л.М.* Скоморошины: (Общие проблемы изучения) // Славянский фольклор / отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 110–125.
- Никифоров 2008 – *Никифоров А.И.* Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. 374 с.
- Новик 1993 – *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского / сост. и авт. вступ. ст. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М.: РГГУ, 1993. С. 139–152.
- Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.
- Федорова 2020 – *Федорова Л.Л.* Импоссибилия: моделирование абсурда // Абсурд в языке и коммуникации / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2020. С. 210–229.

References

- Bartmiński, J. and Tokarski, R. (2005), “The linguistic picture of the world and text coherence”, in Bartmiński, J., *Yazykovoi obraz mira: Ocherki po etnolingvistike* [The linguistic image of the world: Essays on ethnolinguistics], Indrik, Moscow, Russia, pp. 296–319.
- Bogatyrev, P.G. (1971), “Artistic means in humorous fair folklore”, in Bogatyrev, P.G., *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Questions of the theory of folk art], Iskusstvo, Moscow, USSR, pp. 450–496.

- Fedorova, L.L. (2020), “Impossibilia: Modeling absurdity”, in Fedorova, L.L., ed., *Absurd v yazyke i kommunikatsii* [Absurdity in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 210–229.
- Ivleva, L.M. (1972), “Skomoroshina: (General problems of study)”, in Putilov, B.N. and Sokolova, V.K., eds., *Slavyanskii fol'klor* [Slavic folklore], Nauka, Moscow, USSR, pp. 110–125.
- Nikiforov, A.I. (2008), *Skazka i skazochnik* [The fairy tale and the storyteller], OGI, Moscow, Russia.
- Novik, E.S. (1993), “The structure of the fairy-tale trick”, in Neklyudov, S.Yu. and Novik, E.S., comps., *Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letiya E.M. Meletinskogo* [From myth to literature. Collection in honor of the 75th anniversary of E.M. Meletinsky], RGGU, Moscow, Russia, pp. 139–152.
- Putilov, B.N. (1994), *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Светлана К. Мамонова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; smamonova10@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0000-9260-8846

Information about the author:

Svetlana K. Mamonova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; smamonova10@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0000-9260-8846